

Телефонъ редакціи № 12.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО 6 СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Среда, 22-го Сентября (5-го Октября) 1904 года.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ № 8221.

НѢСКОЛЬКО СМЕРТЕЙ.

Въ смерти, какъ и въ жизни, есть особая цѣлесообразность, особый смыслъ, трудно уловимый для осознанія, но поражающій воображеніе, наблюдающее его загадочныя проявленія. И порою смерть становится краснорѣчивѣе самой жизни. Невольно такъ подумаешь, соединяя въ одну группу нѣсколько выдающихся смертей послѣдняго времени, словно скрывающихъ въ себѣ тайную связь между собою.

Когда умеръ гамбургскій бургомистръ докторъ Гахманъ, его смерть произвела большое впечатлѣніе въ ближайшемъ округѣ. Если бы онъ умеръ двумя недѣлями раньше, его имя оставалось бы чуждымъ и далекимъ для всѣхъ. Но онъ умеръ знаменитостью, сдѣлавшись знаменитостью въ одинъ день. И если слава и почетъ нужны для чего-нибудь въ человѣческой жизни, то, вѣрно, гамбургскій бургомистръ жилъ, работалъ и старѣлся съ исключительной цѣлью дожить до этого дня, и, проживъ его, долженъ былъ поспѣшно умереть, чтобы не потерять достигнутаго. Единственный день, озарившій славой всю долгую и безвѣстную жизнь гамбургскаго бургомистра, былъ день пріѣзда въ Гамбургъ короля Эдуарда VII. Этотъ день записалъ имя доктора Гахмана на страницы исторіи, такъ какъ за всю долгую исторію тѣсныхъ торговыхъ сношеній главнаго города ганзейскаго союза со столицей островаго королевства, „вольный и ганзейскій городъ Гамбургъ“ впервые удостоивался чести принимать короля Великобританіи. Участники этого событія сознавали его историческую важность. Гахманъ былъ на высотѣ. Какъ глава маленькаго государства, равный по рангу королю, гамбургскій бургомистръ привѣтствовалъ короля дружескими рѣчами, на которыя не менѣе дружескими рѣчами, а потомъ и телеграммами, — отвѣчалъ король, титулуя хозяина „его великолѣпіемъ“, — „Ihre Magnificenz“. И когда черезъ нѣсколько дней — и тутъ, однако, оказавшись на высотѣ и вѣжливо выждавъ отъѣзда короля съ германской земли — его великолѣпіе умеръ, правильно не предусмотрѣвъ въ будущемъ ничего болѣе великолѣпнаго, его смертный часъ наступилъ въ ту единственную минуту его долгой жизни, когда его гробъ могъ быть опущенъ въ могилу при участіи общественнаго вниманія двухъ

великихъ народовъ и поминальныхъ телеграммъ съ высоты троновъ.

А въ это самое время въ тихомъ уединеніи швейцарскаго уголка скромно умиралъ другой старикъ, тоже равный по рангу королю Эдуарду, тоже тѣсно связанный съ его королевствомъ — хотя и не вѣками биржевыхъ котировокъ, — трансваальскій президентъ Павелъ Крюгеръ. Онъ былъ знаменитостью всю свою долгую жизнь. И Англія, и Германія цѣлыя десятилѣтія прозвенѣли его именемъ. И онъ умеръ, ровно на столько времени переживъ свою славу и свое почетное положеніе, сколько требуется для того, чтобы въ минуты смерти успѣть сойти въ безвѣстность и спокойное забвеніе.

Я помню, мнѣ случилось быть въ Парижѣ въ то самое время, когда престарѣлый трансваальскій президентъ пріѣхалъ въ Европу — и прежде всего въ Парижъ, — покинувъ наводненное врагами отечество, въ неудачныхъ поискахъ заступничества Европы. Помню восторженные уличныя чествованія словно обезумѣвшей толпы... Грузную фигуру старика на балконѣ отеля... Несчастный президентъ, причудливо соединяя въ себѣ практическую мудрость съ дѣтской наивностью, принималъ эти чествованія въ серьезъ и, думая, что весь міръ похожъ на Трансвааль, взывалъ, въ неразлучномъ союзѣ съ толстой библией, къ такимъ чувствамъ и понятіямъ, которыя давно уже утратили свою власть надъ умами и сердцами европейцевъ. Чиновничья вѣжливость Лубэ и актерскій восторгъ Рошфора оригинально обрамляли недоумѣвающую фигуру президента-свинопаса. Умиръ онъ тогда — это былъ бы мастерской ходъ политическаго карьериста. Но Крюгеръ и жилъ и умеръ одинаково непоэтично.

И почти одновременно съ нимъ умеръ другой „некоронованный король“ — не свинопасъ, но фельетонистъ, Теодоръ Герцль. Онъ не былъ королемъ фельетона. Въ своей профессіи онъ не сдѣлалъ ничего, что превышало бы уровень добросовѣстной работы для насущнаго хлѣба. Но его жизнь и судьба едва ли не еще необыкновеннѣе, чѣмъ тѣхъ двухъ. И портретъ его служить знаменемъ для огромнаго народа, разсѣяннаго по всему міру.

Когда однажды Герцль пріѣзжалъ въ Россію, чтобы просить содѣйствія у Министра Внутреннихъ Дѣлъ Плеве (которое и было ему обѣщано) дѣлу сѣонизма, — евреи по пути его проѣзда сожалѣли, что слишкомъ поздно узнали о путеше-

ствіи главы сѣонизма и не могли оказать ему царственныхъ почестей. А какъ много среди русскихъ евреевъ противниковъ сѣонизма!

Среди современной крѣпкой оформленности всѣхъ родовъ общественной дѣятельности, не оставляющей простора для личнаго творчества въ области ея средствъ, съ образомъ Герцля связывается дѣйствительно оригинальный для нашихъ дней эпитетъ попытки искусственно создать новое государство.

Въ соотвѣтствіи съ разницей національныхъ характеровъ, Вальдека Руссо не считали ни пророкомъ, ни даже национальнымъ героемъ. Для него былъ приспособленъ другой титулъ — *homme supérieur*. Это — французское истолкованіе „сверхчеловѣка“, нисколько впрочемъ не плагиатъ. Нѣчто самостоятельное, какъ самостоятеленъ былъ и самъ покойный дѣятель. Современная французская натура не менѣе нѣмецкой чувствуетъ потребность въ сверхчеловѣкахъ. Одно время за такового принимали Казимира — Перье.

Всѣ передъ нимъ словно сгибали колѣни, чтобы казаться хотя на вершокъ ниже, прибавляя роста — ему. Онъ командовалъ палатой депутатовъ и сенатомъ, какъ полкомъ. Онъ сдѣлался президентомъ, почти не бывъ министромъ. Въ короткое время своего министерства у него былъ на всякую критику одинъ отвѣтъ: ставлю вопросъ о довѣрїи. И парламентъ спѣшилъ, съ одышкой отъ усилія, выражать свое довѣрїе, конфузаясь своей непровергнутой критикой. И въ одинъ прекрасный день герой эпопеи вдругъ оказался героемъ оперетки, и человѣкъ — все внезапно превратился въ человѣка-ничто, какъ это случается въ одной только Франціи. Сверхчеловѣкъ вдругъ исчезъ, и отъ него осталось только живущее и здравствующее воспоминаніе.

Президенты республики замѣнили другіе президенты, но сверхчеловѣка они замѣнить не могли. Этотъ титулъ только постепенно и незамѣтно, но зато и прочно, перешелъ къ Вальдеку-Руссо. Съ этимъ титуломъ, вмѣстѣ съ титуломъ — еще будущаго президента республики, онъ и дожилъ до смерти и умеръ. Надо сказать, что у Вальдека-Руссо былъ дѣйствительно какой-то даръ подчинять себѣ, внушать окружающимъ себя, въ своемъ высокомѣрїи и сознанїи своего превосходства, въ образецъ. Я помню Вальдека-Руссо въ самыя трудныя минуты его дѣятельности. Помню знаменитое засѣданіе палаты, когда его личный прїя-

тель, генераль маркизъ Галлифе, военный министръ, измѣнилъ ему, обратившись въ поспѣшное и безпорядочное бѣгство. Оппозиція кричала, какъ на какой-то дикой сходкѣ, стараясь увлечь за собой палату, осыпала министра-президента ругательствами и рѣшительно не давала ему говорить. Онъ же стоялъ на трибунѣ, спокойный, надменный, неизмѣнный мастеръ своего слова, своего взгляда, своего жеста, и одного его гордаго — и сдержаннаго достоинства достаточно было, чтобы всѣ оскорбленія казались совершенно не могущими его достигнуть, какими-то покушеніями съ негодными средствами. Чѣмъ выше онъ поднимался въ своемъ господствѣ надъ парламентской толпой, тѣмъ отчаяннѣе становились нападенія противниковъ, съ единой цѣлью — свлечь его съ этого удивительнаго пьедестала. И самыя страшныя и порою оскорбительныя нападенія были только данью восхищенія противниковъ, не всегда даже скрываемого. Первыми были бы огорчены и разочарованы сами эти противники, если бы они достигли своей цѣли, ибо ихъ успѣхъ означалъ бы развѣнчаніе личности, для нихъ самихъ служившей образцомъ.

Тайна силы Вальдека-Руссо заключалась въ необыкновенномъ соединенїи точности и ясности мысли съ точностью и ясностью выполненія. Это, какъ извѣстно, — тайна художественнаго творчества, эта строгая гармонія замысла и формы, и потому Вальдекъ-Руссо былъ самъ похожъ на художественное произведеніе. Это было своеобразное воплощеніе *пластической* красоты въ области *психической* жизни. Ясный, точный, строго дисциплинированный умъ, совершенно освобожденный отъ узъ страстей, соединился въ немъ съ гибкой послушностью дѣятельныхъ силъ — средствъ выраженія и дѣйствія, — поступковъ, настроеній, дара слова, голоса, памяти, физической крѣпости, дисциплинированностью всѣхъ органовъ внѣшней жизни. Трудно найти человѣка, который въ большей степени могъ и умѣлъ быть хозяиномъ самого себя и потому господствовалъ надъ многими. Въ трудную минуту республики къ нему всѣ обратились, какъ къ единственному человѣку, способному противопоставить свою волю всѣмъ опасностямъ. И однако, въ своемъ внѣшнемъ положенїи онъ не поднимался выше поста министра-президента, доступнаго всякимъ Дююи, Рибо, Гобля и т. п. И во Франціи, и за границей онъ признавался за „будущаго президента

республики“; это была обѣщанная награда за труды, не представлявшіе никакой привлекательности, — и, однако, онъ умеръ, можетъ быть, впервые обманувъ общія ожиданія и впервые сдѣлавъ совсѣмъ не то, что предполагалъ.

Только смерть показала всѣмъ то, что раньше могли замѣчать лишь немногіе, — что и „высшій человѣкъ“ былъ все же только человѣкомъ, въ ограниченномъ смыслѣ, слишкомъ тѣснымъ для человѣческой гордости, и что подъ видимостью неприступнаго холода, высвободившагося отъ власти всѣхъ человѣческихъ чувствъ и слабостей, скрывалась правда огромной еще разницы между *быть* и *казаться*. Одинъ мой прїятель въ разговорѣ восхищался гобеленами министерской квартиры. „А я, отвѣчалъ Вальдекъ-Руссо, — не могу ихъ видѣть безъ нервной дрожи. Они мучительно напоминаютъ мнѣ тѣ бессонныя ночи, когда я цѣлыми часами ходилъ по пустыннымъ комнатамъ, бесплодно ломая себѣ голову надъ тягостнымъ вопросомъ: гдѣ мнѣ найти такихъ солдатъ, которые согласились-бы взять фортъ Шаброль“.

Каждый сильный человѣкъ есть естественная мишень для общественныхъ упрежненій въ киданїи камней. Камни, кидавшіяся въ Вальдека-Руссо, казались отскакивавшими отъ него, какъ отъ гранитной скалы. Но въ одинъ прекрасный день они неожиданно нашлись въ его печени. И „высшій человѣкъ“ вдругъ превратился сначала въ безпомощнаго ребенка, лежащаго въ постели и зависящаго отъ всякаго, кто и представить себѣ не могъ возможности своего превосходства; потомъ въ объектъ научно-медицинскихъ манипуляцій, наконецъ, въ ничто. Человѣкъ пронизательный и предусмотрительный, управлявшій массами, рассчитывавшій широко и дальнорочно, не могъ рассчитать собственной печени. Голоса для президентскихъ выборовъ были подготовлены превосходно. Но былъ упущенъ изъ виду одинъ, рѣшающій голосъ съ непредусмотрѣнной стороны...

Чеховъ, этотъ усердный сотрудникъ юмористическихъ газетъ, написавшій самую глубокія элегїи, какія есть въ русской литературѣ, прошелъ въ карнавалѣ современной жизни тоже загадочной маской, блуждающей и колеблющейся, какъ шумановскій Эвсебій. Въ многочисленныхъ своихъ рассказахъ и въ немногихъ нашихъ встрѣчахъ онъ одинаково представлялся мнѣ человѣкомъ, весело взбѣжавшимъ на башню и внезапно остано-

вившимся въ скорбномъ недоумѣнїи. На высотѣ достигнутой славы, на высотѣ литературнаго мастерства, открывающаго созерцательному глазу широкіе горизонты жизни, онъ словно увидѣлъ что то неожиданное, печальное и непонятное. Онъ словно почувствовалъ ненужность всей этой жизни для внутренняго стремленія къ идеалу и свою собственную ненужность для этой жизни, все болѣе и болѣе обезцѣнивающей высшее содержаніе въ литературѣ. И онъ никакъ не могъ найти разрѣшеніе противорѣчію этого ощущенія съ тѣми дарами почета и благополучія, которыми жизнь вознаграждала его талантъ. Помню, однажды онъ сказалъ мнѣ неожиданно: „Я очень хотѣлъ бы дѣятельно участвовать въ газетѣ... Но непременно — очень либеральной“. И, казалось, онъ съ такимъ же недоумѣніемъ, какъ и я, слушалъ свою собственную мысль, для него самого неожиданную. Въ сущности, эта мысль была только внезапнымъ порывомъ скорби о томъ, что литературное ремесло хоронитъ литературный талантъ, а публицистическая ловкость — сердечную глубину содержанія.

Сколько я ни видѣлъ Чехова, я помню его всегда внутренне страдающимъ. О чемъ? На это можетъ отвѣтить только углубленная критика его произведеній, — отвѣтить, вѣроятно, тоже вопросомъ.

Замѣчательные люди больше нужны для жизни, какъ люди, чѣмъ какъ дѣятели. Жизнь стремится къ великой цѣли — создать человѣка, и какъ художнику нужны натурщицы, такъ жизни нужны живые образцы. Творя себя, мы создаемъ другъ друга. Потому-то нѣтъ большей творческой силы, воспитанія для дѣтей и управленія для взрослыхъ, какъ внушеніе живого примѣра. Обаяніе сильной и благородной личности есть власть болѣе дѣятельная и болѣе благотворная, чѣмъ все, что можно установить закономъ и подкрѣпить судомъ.

Жизнь творитъ, а смерть провѣряетъ. И первое, и самое поразительное, что раскрываетъ смерть, это то, что она менѣе враждебна жизни, чѣмъ жизнь сама себѣ. Смерть показываетъ, что она медлила бы, что она щадила бы, если бы не убивала жизнь. На крупныхъ людяхъ это виднѣе, чѣмъ на мелкихъ. И эта мирная междоусобица современной жизни страшна, значительна и достойна вниманія социологовъ, политиковъ и гуманистовъ.

В. Гайдебуровъ.